

УДК [811.512.111+811.512.141]’373.614

К. Адягаши

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ЭТИМОЛОГИЕЙ ЧУВАШСКОГО ОРНИТОНИМА *ЃАМКАЃ* ‘НЫРОК’

Дебреценский университет, г. Дебрецен, Венгрия

Аннотация. В статье изучаются возможные этимологии чувашского орнитонима *ЃАМКАЃ* ‘нырок’. Доказано, что он является суффиксальным образованием, его словообразовательные параллели известны в татарском и башкирском языках и их диалектах. Рассмотрены суффиксы в кыпчакском и чувашском вариантах орнитонима, проанализирована их грамматическая семантика. В результате этимологического исследования автор приходит к выводу, что глагольная основа **Ѓот-* – из волжско-булгарского джокающего диалекта, а формант *-каЃ*, образующий агент действия, – кыпчакизм. Освещаются также некоторые нюансы взаимоотношения волжско-булгарских и волжско-кыпчакских языков.

Ключевые слова: словообразовательная модель чувашских орнитонимов, взаимоотношения тюркских языков Волго-Камского ареала, диалекты волжско-булгарского языка.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучаемая проблема является актуальной с двух точек зрения. Во-первых, в недавнем прошлом (в 2016 г.) была опубликована обстоятельная монография Л. П. Петрова [16], содержащая сравнительно-историческое исследование чувашских орнитонимов, в которой *ЃАМКАЃ* ‘нырок’ не упоминается; наша статья предлагается вниманию научной общественности как небольшое дополнение к имеющимся результатам в данной области. Во-вторых, исследование ареальных отношений языков Поволжья позволит затем более дифференцированно показать взаимоотношения волжско-булгарских и поволжско-кыпчакских диалектов. Цель статьи – рассмотреть взаимосвязи чувашского и кыпчакских языков Урало-Поволжья на материале орнитонима *ЃАМКАЃ* ‘нырок’, т. е. продемонстрировать грамматическую синонимию словообразовательных суффиксов *-gAlAq*, *-AЃA*, *-gA* и *-gUЃ* в среднекыпчакских существительных, а также интерпретировать соответствие грамматической семантики и словообразовательной модели чувашского эквивалента, созданного по кыпчакскому образцу через этимологические изыскания.

Материал и методика исследований. Материалом послужила литературная и диалектная лексика чувашского, казанско-татарского и башкирского языков. Исследование основано на историко-сопоставительном методе, учитывает последние результаты автора, достигнутые в описании фонетических особенностей волжско-булгарского языка [1].

Результаты исследований и их обсуждение. Слово со значением ‘нырок’ в чувашском литературном языке и диалектах имеет одну общую форму *ЃАМКАЃ* [5, т. 5, с. 271], [28]. Его происхождение в прежней этимологической литературе не изучалось [16], [27]. По своему образованию оно не относится к двум самым распространенным типам образования чувашских орнитонимов [11], поскольку не является производным от звукоподража-

---

© Адягаши К., 2018

Адягаши Клара – доктор филологических наук, профессор Института славистики филологического факультета Дебреценского университета, г. Дебрецен, Венгрия; e-mail: klara.agyagasi@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.11.2018

тельной основы, как, например, *kārkka* ‘индейка’, и не выражается определительным оборотом, ср.: *xura kayāk* ‘черный дрозд’ (букв. ‘черная птица’). Чувашское слово является суффиксальным образованием и состоит из глагольной основы *čäm-* и суффикса *-kās*.

Параллельные морфологические структуры этого названия можно обнаружить в поволжско-тюркских кыпчакских языках: тат. лит. *čumgalak* ‘нырок (дикая утка)’ [19, с. 63], [25], *čumga* ‘die Taucherente’ [17, т. 3], тат. диал. (центр.-каз. ар., лш.) *čumyaq* ‘нырок, одна из разновидностей диких уток’ [23], сиб.-тат. диал. *sumya* ‘нырок’ [26], башк. лит. *sumyalaq* ‘нырок’ [7], [18], юж.-башк. диал. *sumasa, sumyōš* ‘утка-нырок’ [22]. Прежде чем приступить к определению этимологии чувашского слова, необходимо рассмотреть подробно грамматико-семантические оттенки суффиксов в историко-этимологическом плане.

В этих существительных глагольная основа легко выделяется, ибо она является регулярным современным поволжско-кыпчакским соответствием восточнодревнетюркского глагола *čom-* ‘окупаться, нырять’ во всех перечисленных диалектах [10]. Второй компонент этих слов во всех вариантах – отглагольный суффикс. В татарской и башкирской литературной формах в образовании слова участвует тот же самый *-gAlAq*, а в диалектах появляются другие отглагольные суффиксы. Это указывает на то, что названия дикой утки возникли в самостоятельной жизни волжско-кыпчакских языков. Для подтверждения этого предположения необходимо выявить самостоятельную глагольную основу в литературном языке и диалектах татарского и башкирского языков и доказать наличие использованных суффиксов в их словообразовательной системе.

Глагольная основа имеется в татарском и башкирском литературных языках, ср.: тат. *čim-* ‘окупаться, нырнуть; утопать; отдаваться чему-либо; углубляться’ [25], башк. *sum-* ‘нырять; погружаться; погрязать, увязать; перен. утопать в чем’ [7]. Исторически суффикс *-gAlA/-qAlA* литературных форм является сложным (< *ga + la, ka + la*), тождествен отглагольному суффиксу, служит для выражения эпизодической кратности активного действия, широко распространен в тюркских языках [14, с. 439]. Конечный *-q* является тоже отглагольным суффиксом, который образует от переходных глаголов объект действия, а от непереходных – субъект [34, с. 224–261]. В современном татарском языке он является комплексным суффиксом (*-галак/-гәләк, -калак/-кәләк*), который часто участвует в образовании названий растений и животных [8].

Суффикс *-gA*, имеющийся в соответствующих образованиях центрального и сибирского диалектов татарского языка, является современным выражением восточнодревнетюркского суффикса *-gA*. Он образует существительные от глаголов с коннотативным значением агента действия [34, с. 376–382]. Этот суффикс в современном татарском языке уже непродуктивный, встречается в составе лишь некоторых слов [8]. Производные формы *čumga* и *sumya* могли возникнуть не позднее среднекыпчакского периода, их этимологическое значение – ‘тот, кто ныряет’. Среднекыпчакская форма **čomga* перешла в говоры северного диалекта русского языка: *чомга* ‘нырок, гагара, морская поганка, *Podiceps Colymbus*’ [9, с. 610]. На тюркское происхождение русского слова указала Е. Н. Шипова [29].

В заказанском говоре центрального диалекта татарского языка в изучаемом орнитониме встречается суффикс *-gAk*, который является современным представителем восточнодревнетюркского *-gAk*. В древнетюркском языке он образовывал отглагольные существительные со значением действующего лица [34, с. 391], а в современном татарском языке перешел в состав редких и его функция незначительно изменилась [8, с. 271]. Этимологическое значение татарского диалектного слова – ‘тот, кто ныряет’.

Форма, встречающаяся в южнобашкирском диалекте, расчленяется на глагольную основу *sum-* и суффикс *-asa*, который непродуктивен и не упоминается С. Ф. Миржановой в монографии о южном диалекте башкирского языка [15]. Регулярный татарский эк-

вивалент данного суффикса (-аца) участвует в образовании только нескольких слов мишарской и центральной диалектной лексики: *уиwaца* 1) (миш.-тмн., хвл.) 'пончик из кислого теста'; 2) (миш.-чст.) 'мучное национальное блюдо' [23, с. 175], (центр.-нгб.-крщ.) *уиwaца* 'то же' [23, с. 576], (миш.-чст., эчк.) *tumaца* 'троюродные' [23, с. 426], [8, с. 293]. Выяснение происхождения и точной функции этого суффикса требует дальнейших исследований.

Последняя версия суффиксального образования орнитонима со значением 'нырок' в волжско-кыпчакских языках отражается в южнобашкирском диалекте как *sumyöš*. Суффикс -*yöš* является современным эквивалентом восточнодревнетюркского -*gUč*, который в древнетюркском образовывал отглагольные существительные с инструментальным значением [34, с. 357–359], но позже его функция расширилась. Данные волжско-кыпчакских языков показывают, что он участвовал в образовании существительных с агентивным значением, ср.: юж.-башк. диал. *yörtqōs* 'хищник' (< *yört-* 'рвать, разорвать') [15, с. 198], тат. лит. *ürčētkēč* 'питомник, рассадник; производитель (о животных)' < *ürčēt-* 'разводить, развести (о животных), выращивать, вырастить' [25, с. 752] и т. п., см. также [8]. Функцию суффикса в южнобашкирском диалекте С. Ф. Миржанова видит в выражении склонности предмета к какому-либо действию [15, с. 198], а Н. А. Баскаков в своей историко-типологической морфологии приписывает современным вариантам древнетюркского суффикса -*gUč* исключительно номинализующую функцию, без особых семантических разграничений [6, с. 193–194]. На этом основании этимологическое значение южнобашкирской диалектной формы можно указать как 'тот, кто ныряет' или 'существо, склонное нырять'.

Если вернемся к чувашскому слову, можно установить, что его глагольная основа *čäm-* тоже восходит к древнетюркской основе *čom-*. Но из-за ее начального согласного в виде *č-*, соответственно традиционным взглядам по тюркской исторической фонетике, можно предположить, что этот глагол является не продолжением западнодревнетюркского варианта (в котором *č-* должен был бы перейти в *š-*), а заимствованием среднекыпчакского глагола **čom-*. Может оказаться, что не только глагольная основа, а само производное существительное вместе со своим суффиксом восходит к среднекыпчакской диалектной форме **čomgüč*, поскольку подобный морфемный состав производного имени известен в одном из говоров южнобашкирского диалекта. В то же время такое предположение остается теоретическим, так как после монгольского нашествия реальность непосредственных контактов предков чувашей [12, с. 57] и кыпчаков, поселившихся после XIII в. на правобережье р. Белая южнее современной башкирской столицы [15, с. 9], была маловероятной. Между тем ближе к чувашским территориям среднекыпчакские названия дикой утки возникли при участии иных суффиксов, как на это было указано.

Можно предположить, что глагольная основа и суффикс были отдельно заимствованы чувашским языком из среднекыпчакского источника, а современное производное название возникло уже на чувашской почве.

Глагол со значением 'нырять' известен в чувашском языке в двух формах: *čäm-* и *čōm-* 'tauchen, untertauchen' (см. также [35]). Они восходят к среднечувашской **čom-*, которая могла заимствоваться из одного из среднекыпчакских диалектов [36, с. 115].

Суффикс -*kāš*, участвующий в образовании чувашского слова, Л. С. Левитская рассматривает в монографии по исторической морфологии чувашского языка [13, с. 156–157] как фонетический вариант суффикса -*kāč/-kēč* и определяет его как заимствование из кыпчакских языков (-*gUč*). К этому нужно добавить, что он мог быть заимствован только в среднечувашский период, когда уже существовали, во-первых, условия чувашско-кыпчакского двуязычия и, во-вторых, оригинальные звонкие гуттуральные *g/g̃* в составе согласных фонем предка чувашского языка. Спирантизация этих согласных звуков в середине и конце слов (-*g* > -*γ*-, -*g* > -*γ*) началась еще во времена венгерско-огурских контак-

тов [38, с. 1080–1081, 1101], а в период пермско-волжско-булгарских контактов спиранты уже исчезли, как на это указывают следующие данные: зап.-др.-тюрк. *čarlay* ‘серп’ (ср.: др.-венг. *šárlō* ‘то же’ [38, с. 697]) > волж.-булг. **čarla* ~ **šarla* → праперм. **čarla* ~ *šarla* ‘то же’, ср.: зыр. *čarla*, удм. *šurlo* [37, с. 761]. В древнерусских заимствованиях волжско-булгарского языка звонкий смычный гуттуральный согласный -g- в середине слова регулярно субституируется через -k-: др.-рус. *degъть* [d'égot'] ‘деготь’ → волж.-булг./чув. **teküt* > чув. *tikēt* ‘то же’ (см. подробнее [2, с. 98]. Такую же субституцию мы видим в чувашской заимствованной форме кыпчакского суффикса -gUč в виде -kăś. Глухой спирант в конце суффикса является результатом чередования согласных č и ś в чувашском языке, которое характерно всей чувашской языковой территории (см. [20, с. 126–128], [21]).

Существительные с суффиксом -kăś во всех примерах, приведенных Л. С. Левитской для представления его функции в чувашском языке, имеют значение средства действия. Это совпадает с семантикой восточнодревнетюркского -gUč (см. выше) и суффикса в литературном языке, определенной на современном описательном уровне, например, Н. А. Андреевым [3, с. 47]. Оба автора утверждают то, о чем писал Н. И. Ашмарин еще в 1898 г. [4, с. 111]: в редких случаях чувашский суффикс -kăś может иметь значение агента. В качестве примера он приводит именно слово *čămkăś*. Конечно, один пример не может быть достаточным для подтверждения реальности заимствования кыпчакского суффикса -gUč в значении агента, тем более, если он совпадает с изучаемым словом. Другим примером может послужить чувашское слово *tupkăč* ‘сват, сваха’ [28, с. 33, с. 72]. Его основа восходит к западнодревнетюркскому **tap-* (ср.: вост.-др.-тюрк. *tap-* ‘to find’ [33, с. 435], вместе с присоединенным к нему заимствованным из среднекыпчакского языка суффиксом **-kuč* возникло слово с этимологическим значением ‘тот, который находит’. На этом можно было бы и остановиться, ведь имеются аргументы в пользу гипотезы об отдельном заимствовании основы и суффикса имени *čămkăś* [31]. Но сомнения остаются, так как пока это единственное слово чувашского лексикона, которое будто бы создавалось на чувашской почве из заимствованных кыпчакских элементов.

Иную этимологию *čămkăś* доказывает наличие лексем волжско-булгарского и чувашского языков, в которых, наряду с сохранением западнодревнетюркской аффрикаты *č в начальной позиции или в середине слова, встречаются некоторые общеизвестные фонетические критерии болгарского типа. В области согласных звуков такими критериями являются результаты глобальных или региональных изменений огурской языковой территории: *si/sī > ši/šī*, *-g/ġ > -γ > 0*, *n > m* [1, с. 9]. Если болгарские критерии и аффриката č оказываются в одном слове, то это значит, что оно должно рассматриваться как представитель другого, так называемого джокающего диалекта волжско-булгарского языка: зап.-др.-тюрк. **čarlay* ‘серп’ > волжско-булг. **čarla* ‘то же’ (см. выше); зап.-др.-тюрк. **širičya* ‘бисер’ > волж.-булг. **širča* → чув. *šărča* ‘то же’ [5], [34, с. 342, 36]; кит. *chên* ‘истинный’ → зап.-др.-тюрк. **čen* > **čîn* → волж.-булг. *čîn* ~ *čim* → чув. *čăn* ‘истина’ [27, с. 402], тат. диал. (центр.-каз. ар.) *čēm* ‘настоящий’ [24], [30], [32].

Резюме. Таким образом, относительно этимологии *čămkăś* можно исходить из основы *čom-* ‘нырять’, восходящей к джокающему волжско-булгарскому диалекту. В этом случае: при волжско-булгарско-кыпчакском билингвизме в раннесреднетюркском периоде к глагольной основе мог присоединяться суффикс кыпчакского происхождения, а готовый морфологический комплекс слова мог позже попасть в позднесреднечувашский язык путем междиалектного заимствования.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Башк. – башкирский язык; волж.-булг. – волжско-булгарский язык; вост.-др.-тюрк. – восточнодревнетюркский язык; диал. – диалект; др.-венг. – древневенгерский язык; др.-рус. – древнерусский язык; зап.-др.-тюрк. – западнодревнетюркский язык; зыр. – коми-зырянский язык; кит. – китайский язык; лит. – литератур-

ный язык; лш. – лаишевский говор; миш.-тмн. – темниковский говор мишарского диалекта; миш.-чст. – чи-стопольский говор мишарского диалекта; праперм. – прапермский язык; сиб.-тат. – сибирско-татарский язык; тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; хвл. – хвалынский говор мишарского диалекта; центр.-каз. ар. – группа говоров Заказанья; центр.-нгб.-крщ. – говор нагайбаковских крещеных татар; чув. – чувашский язык; эчк. – эчкинский говор; юж.-башк. – южнобашкирский диалект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адягаши К.* К вопросу о формировании чувашского языка // Языковые контакты народов Поволжья и Урала : сборник статей XI Международного симпозиума. – Чебоксары, 2018. – С. 6–12.
2. *Адягаши К.* Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. – Дебрецен : Volumell, 2005. – 216 с.
3. *Андреев Н. А.* Имя существительное // Материалы по грамматике чувашского языка. Ч. I : Морфология. – Чебоксары : Чув. гос. изд-во, 1957. – С. 5–61.
4. *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка : в 2 ч. Ч. 1. – Казань : Типолиотогр. Императ. ун-та, 1898. – 392 с.
5. *Ашмарин Н. И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. – Чебоксары : Руссика, 1994–2000.
6. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М. : Наука, 1979. – 274 с.
7. *Башкирско-русский словарь* / отв. ред. З. Г. Ураксин. – М. : Дигора ; Русский язык, 1966. – 864 с.
8. *Ганиев Ф. А.* Словообразование // Татарская грамматика : в 3 т. Т. 1. – Казань : Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1995. – С. 268–273.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. – М. : Русский язык. – 779 с.
10. *Древнетюркский словарь* / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1969. – 676 с.
11. *Егоров Н. И., Петров Л. П.* Этимология некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология. – 1982. – № 6. – С. 64–76.
12. *Иванов В. П.* Формирование средневекового чувашского этноса // Чуваши: история и культура. Т. 1. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 56–78.
13. *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. – М. : Наука, 1976. – 206 с.
14. *Левитская Л. С.* Словообразование глаголов // Сравнительно-историческая морфология тюркских языков: морфология. – М. : Наука, 1984. – С. 423–444.
15. *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. – М. : Наука, 1979. – 272 с.
16. *Петров Л. П.* Опыт сравнительно-исторического изучения чувашских названий птиц. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2016. – 288 с.
17. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий : в 4 т. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1893–1911.
18. *Русско-башкирский словарь* / отв. ред. К. З. Ахмеров. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – 985 с.
19. *Садыкова З. Р.* Зоонимическая лексика татарского языка. – Казань : Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1994. – 128 с.
20. *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. – 428 с.
21. *Сергеев Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1968. – 104 с.
22. *Словарь башкирских говоров* : в 3 т. Т. 2 : Южный диалект / ред. Н. Х. Максютова. – Уфа : Ин-т истории, яз. и лит., 1970. – 369 с.
23. *Татар теленең диалектологик сүзлеге* / отв. ред. Л. Т. Махмутова. – Казань : Татар китап нәшрияты, 1969. – 643 с.
24. *Татар теленең диалектологик сүзлеге* / сост. Д. Б. Рамазанова. – Казань : Татар китап нәшрияты, 1993. – 459 с.
25. *Татарско-русский словарь.* – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 866 с.
26. *Тумашиева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.
27. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. 2. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с.
28. *Чăвашла-вырăсла словарь* = Чувашско-русский словарь / ред. М. И. Скворцов. – М. : Русский язык, 1982. – 712 с.
29. *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата : Наука, 1976. – 444 с.
30. *Agyagási K.* A Volga-Bulgarian loan-word in Mari dialects: *šárča* 'glass bead' // Studia Etymologica Cracoviensia. – 2005. – Vol. 10. – P. 9–14.
31. *Agyagási K.* Das Wort für Tauchente im Wolgagebiet // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1995. – Vol. 48. – S. 261–265.
32. *Agyagási K.* Some Middle Bulgarian loan words in the Volga Kipchak languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2002. – Vol. 55. – P. 25–28.

33. *Clouston sir G.* An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth Century Turkish. At the Clarendon Press. – Oxford : Bilingual, 1972. – 989 p.
34. *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. Vol. 1–2. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1991. – 874 p.
35. *Paasonen H.* Csúvasz szójegyzék. – Budapest, 1908. – 244 o.
36. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. – 533 S.
37. *Róna-Tas A.* Turkic influence on the Uralic languages // The Uralic languages / ed. by D. Sinor, E. J. Brill. – Leiden ; New York ; København-Köln : E. J. Brill, 1988. – P. 742–780.
38. *Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I–II. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2011. – 1494 p.

UDC [811.512.111+811.512.141]’373.614

K. Agyagási

ON THE ETYMOLOGY OF THE CHUVASH ORNITHONYM ČĀMKĀŚ ‘MERGANSER’

University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Abstract. The article considers the etymology of the Chuvash ornithonym *čāmkāś* ‘merganser’. The author proves that this term is of suuffixal formation, its wordformative parallels are evident in the Tatar and Bashkir languages and their dialects; considers the suffixes in the Kipchak and Chuvash variants of the discussed ornithonym; analyzes the grammatical structure of these variants. As a result of the etymological study the author concludes that the verbal stem **čom-* comes from the Volga-Bulgar djoking dialect, and the formant *-kāś* (forming the agent) is a kipchakism. The article also highlights some interrelation of the Volga-Bulgar and Volga-Kipchak languages.

Keywords: *wordformative model of Chuvash ornithonyms, interrelation of the Turkic languages and Volga-Kama area, dialects of the Volga-Bulgar language.*

REFERENCES

1. *Adyagashi K.* K voprosu o formirovanii chuvashskogo yazyka // Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala : sbornik statej XI Mezhdunarodnogo simpoziuma. – Cheboksary, 2018. – S. 6–12.
2. *Adyagashi K.* Rannie russkie zaimstvovaniya tyurkskih yazykov Volgo-Kamskogo areala. – Debrecen : Volumell, 2005. – 216 s.
3. *Andreev N. A.* Imya sushchestvitel'noe // Materialy po grammatike chuvashskogo yazyka. Ch. I : Morfoloģiya. – Cheboksary : Chuv. gos. izd-vo, 1957. – S. 5–61.
4. *Ashmarin N. I.* Materialy dlya issledovaniya chuvashskogo yazyka : v 2 ch. Ch. 1. – Kazan' : Tipolitogr. Imperat. un-ta, 1898. – 392 s.
5. *Ashmarin N. I.* Chāvash sāmāhēsen kēneki = Slovar' chuvashskogo yazyka : v 17 t. – Cheboksary : Russika, 1994–2000.
6. *Baskakov N. A.* Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskih yazykov. – M. : Nauka, 1979. – 274 s.
7. *Bashkirsko-russkij slovar' /* otv. red. Z. G. Uraksin. – M. : Digora ; Russkij yazyk, 1966. – 864 s.
8. *Ganiev F. A.* Slovoobrazovanie // Tatarskaya grammatika : v 3 t. T. 1. – Kazan' : In-t yaz., lit. i istorii im. G. Ibragimova, 1995. – S. 268–273.
9. *Dal' V. I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. T. 4. – M. : Russkij yazyk. – 779 s.
10. *Drevnetyurkskij slovar' /* red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – L. : Nauka, 1969. – 676 s.
11. *Egorov N. I., Petrov L. P.* Etimologiya nekotoryh chuvashskih ornitonimov // Sovetskaya tyurkologiya. – 1982. – № 6. – S. 64–76.

© Agyagási K., 2018

Agyagási, Klara – Doctor of Philology, Professor, Institute of Slavic Studies, Debrecen University, Debrecen, Hungary; e-mail: klara.agyagasi@gmail.com

The article was contributed on November 19, 2018

12. *Ivanov V. P.* Formirovanie srednevekovogo chuvashskogo etnosa // *Chuvashi: istoriya i kul'tura*. T. 1. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 2009. – S. 56–78.
13. *Levitskaya L. S.* Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka. – M. : Nauka, 1976. – 206 s.
14. *Levitskaya L. S.* Slovoobrazovanie glagolov // *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya tyurkskih yazykov: morfologiya*. – M. : Nauka, 1984. – S. 423–444.
15. *Mirzhanova S. F.* Yuzhnyj dialekt bashkirskogo yazyka. – M. : Nauka, 1979. – 272 s.
16. *Petrov L. P.* Opyt sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya chuvashskih nazvanij ptic. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 2016. – 288 s.
17. *Radlov V. V.* Opyt slovary tyurkskih narechij : v 4 t.. – SPb. : Tip. Imperat. akad. nauk, 1893–1911.
18. *Russko-bashkirskij slovar'* / otv. red. K. Z. Ahmerov. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1964. – 985 s.
19. *Sadykova Z. R.* Zoonimicheskaya leksika tatarskogo yazyka. – Kazan' : In-t yaz., lit. i istorii im. G. Ibragimova, 1994. – 128 s.
20. *Sergeev L. P.* Dialektnaya sistema chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2007. – 428 s.
21. *Sergeev L. P.* Dialektologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvashknigoizdat, 1968. – 104 s.
22. *Slovar' bashkirskih govorov* : v 3 t. T. 2 : Yuzhnyj dialekt / red. N. H. Maksyutova. – Ufa : In-t istorii, yaz. i lit., 1970. – 369 s.
23. *Tatar teleneñ dialektologik syzlege* / otv. red. L. T. Mahmutova. – Kazan' : Tatar kitap nashriyaty, 1969. – 643 s.
24. *Tatar teleneñ dialektologik syzlege* / sost. D. B. Ramazanova. – Kazan' : Tatar kitap nashriyaty, 1993. – 459 c.
25. *Tatarsko-russkij slovar'*. – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1966. – 866 s.
26. *Tumashva D. G.* Slovar' dialektov sibirskih tatar. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1992. – 255 s.
27. *Fedotov M. R.* Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka : v 2 t. T. 2. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1996. – 509 s.
28. *Chävashla-vyräsla slovar'* = Chuvashsko-russkij slovar' / red. M. I. Skvorcov. – M. : Russkij yazyk, 1982. – 712 s.
29. *Shipova E. N.* Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. – Alma-Ata : Nauka, 1976. – 444 s.
30. *Agyagási K.* A Volga-Bulgarian loan-word in Mari dialects: šärča 'glass bead' // *Studia Etymologica Cracoviensia*. – 2005. – Vol. 10. – P. 9–14.
31. *Agyagási K.* Das Wort für Tauchente im Wolgagebiet // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 1995. – Vol. 48. – S. 261–265.
32. *Agyagási K.* Some Middle Bulgarian loan words in the Volga Kipchak languages // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – 2002. – Vol. 55. – P. 25–28.
33. *Clauson sir G.* An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth Century Turkish. At the Clarendon Press. – Oxford : Bilingual, 1972. – 989 p.
34. *Erdal M.* Old Turkic Word Formation. Vol. 1–2. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1991. – 874 p.
35. *Paasonen H.* Csúvas szójegyzék. – Budapest, 1908. – 244 o.
36. *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. – 533 S.
37. *Róna-Tas A.* Turkic influence on the Uralic languages // *The Uralic languages* / ed. by D. Sinor, E. J. Brill. – Leiden ; New York ; København-Köln : E. J. Brill, 1988. – P. 742–780.
38. *Róna-Tas A., Berta Á.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian I–II. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2011. – 1494 s.